

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ПРЕДАНИЕ
о химйаритском царе
Ас'аде ал-Камиле



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

902.9
П32

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор

П. А. ГРЯЗНЕВИЧ

Монография представляет собой исследование доисламского исторического предания о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле, связанного с Южной Аравией. Используемая в исследовании методика позволяет оценить предание как ценный источник по истории доисламского Йемена, она важна и для реконструкции раннего этапа арабской историографии.

П 10602-129 — 161-77
013(02)-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

В конце 2-го тысячелетия до н. э. на юге Аравийского полуострова начала свое развитие южноаравийская цивилизация, просуществовавшая до начала VII в. н. э. Основой ее были скотоводство и высокоразвитое земледелие с широким использованием искусственного орошения. Географическая удаленность от основных центров Древнего Востока обусловила относительную самостоятельность возникновения и развития здесь классового общества, государства, религиозной и политической идеологии. Важнейшими факторами, определившими экономическое процветание государств древнего Йемена и их международное значение, были торговля высоко ценившимися в древнем мире благовониями и контроль над торговым транзитом через Аравию. На протяжении двух тысяч лет Южная Аравия была участником и посредником в торговом и культурном обмене между Средиземноморьем и Ближним Востоком, с одной стороны, и Восточной Африкой и Индией — с другой.

Здесь сложился значительный культурный центр древнего мира. Высокого развития достигли архитектура и строительство ирригационных сооружений, обработка камня, металлургия, художественные ремесла. Воздвигались большие города, крепости, храмы, огромные плотины. В Южной Аравии была создана своя алфавитная письменность, широко использовавшаяся для составления многочисленных строительных, посвячительных, юридических и других надписей. Здесь возникла сложная религиозная система, сменяемая в V в. н. э. единобожием, существовало самостоятельное летосчисление.

Южноаравийская цивилизация прошла долгий путь исторического развития, основными событиями которого

были: борьба за контроль над транзитной торговлей и политическую гегемонию между Маинским, Сабейским, Катабанским, Аусанским, Хадрамаутским и позднее Химйаритским царствами, нашествия эфиопских войск и оккупация части, а иногда и всей территории Йемена, соперничество и сепаратистские выступления знати, вторжения бедуйских племен из Центральной Аравии, подчинение Йемена власти Сасанидов. С распадом последнего государственного образования Южной Аравии, Химйаритского царства, пришла в упадок и вся система южноаравийской цивилизации.

В середине VII в. н. э. Йемен почти без сопротивления был включен в состав нового военно-политического объединения арабов и начал свое развитие в рамках формирующейся мусульманской цивилизации, сменившей многие цивилизации Древнего Востока, в том числе и южноаравийскую. Культурное наследие языческого прошлого было к тому времени в значительной степени утрачено, в мусульманской культуре обнаруживается крайне мало элементов, восходящих своими корнями к доисламской Южной Аравии. Однако древнее культурное богатство не было потеряно полностью и сыграло определенную роль в новом развитии. На это указывает, в частности, наличие в трудах мусульманских литераторов большого количества сведений и рассказов о доисламском Йемене.

В массе разнородного материала (списки царей, родословные племен, историко-географические заметки, описания памятников, легенды, сказания, стихи доисламских поэтов) выделяется группа стихотворных и прозаических сказаний, представляющих собой историко-эпическое предание о древнем прошлом Южной Аравии. Предание это получило широкое распространение в качестве важной и славной части прошлого арабов, послужило одним из истоков арабской исторической литературы.

Предание о доисламском Йемене, как будет видно из последующих глав, было создано вне его. Нам представляется более правильным называть его *кахтанидским преданием* (а не южноарабским, как у А. Кремера), по имени кахтанидской группировки арабских племен, древнюю историю которых предание якобы отражало.

Кахтанидское предание интересно с различных точек зрения. Однако прежде всего оно важно как историко-культурный памятник, позволяющий выявить некоторые истоки мусульманской арабской культуры, описать процессы, направлявшие его формирование, определить характер и тенденции переработки мусульманами культурного наследия доисламской Аравии.

Предание имеет также большое значение и как возможный источник исторических сведений о древнем Йемене.

Современные, уже достаточно обширные знания о древней истории Южной Аравии основываются почти исключительно на эпиграфическом материале (известно около 5 тыс. надписей). Однако специфические особенности этого вида источников — трудность датировки, лаконичность языка и конкретность сведений — ограничивают возможности исторического исследования¹. Археологическое изучение Йемена, по существу, едва началось². Между тем резко активизировавшееся в настоящее время исследование южноаравийской цивилизации требует учета и систематического рассмотрения всей совокупности имеющегося материала, в том числе и всех нарративных источников, как бы мало исторических сведений они на первый взгляд ни содержали.

Нарративные источники на южноаравийских диалектах не сохранились, хотя, как полагают, они существовали³. В распоряжении исследователей имеются отдельные сведения о Йемене в Ветхом завете и других еврейских религиозных и исторических сочинениях⁴, труды античных авторов (Страбон, Плиний, автор «Перипла Эритрейского моря»)⁵, христианские сочинения, отразившие религиозную борьбу в Южной Аравии в VI в. н. э. («Послание Симеона Бетаршамского», «Книга химйаритов», «Мученичество Арефы» и др.)⁶. Все эти материалы немногочисленны и бедны сведениями, поэтому представляется важным оценить историческую информативность одной из самых обширных, но менее всего изученных групп нарративных источников по истории Южной Аравии — кахтанидского предания.

Соответственно, задача данной работы — оценить предание как историко-культурный и исторический источник. Для исследования избраны легенды об Абу Карипе Ас'аде ал-Камиле, царе химйаритской династии, правив-

шем в первой половине V в. н. э. Выбор определялся широкой известностью этого царя в арабской литературе, обилием легенд о нем, их типичностью для кахтанидского предания вообще и, наконец, наличием эпиграфического материала, который позволяет указать характерные признаки эпохи правления Ас'ада.

Кахтанидское предание издавна привлекало внимание ученых. Начиная с XVIII в. публиковались отдельные выдержки и пересказы арабских сведений о доисламской Аравии⁷, за этим последовали издания отдельных сочинений, посвященных истории Йемена⁸. Особый интерес вызвали и вызывают труды ал-Хамдани⁹. Изданы также основные сочинения Нашвана ал-Химйари¹⁰. Многие важные сочинения до сих пор находятся в рукописях, например *Та'рих Сан'а'* ар-Рази, *Сират Дагфал аш-Шайбани*, полный текст *Васайа-л-мулк, ал-Касида ад-дамига ал-Хамдани* и др.

По мере издания текстов материал предания часто привлекался для исследования надписей. Результаты отдельных сравнений породили различные оценки его как исторического источника. В большинстве случаев (Ж. Халеви, М. Хартманн, Г. Филби, В. Каскел, Халил Нами)¹¹ они были отрицательными, совпадая с мнениями об этих материалах, сложившимися уже у крупнейших средневековых историков — Хамзы ал-Исфахани, Ибн ал-Асира, Абу-л-Фиды и Ибн Халдуна¹². Некоторые современные ученые систематически используют данные предания и относятся к ним с доверием (А. Громан, Г. Висман)¹³. Иногда такое доверие бывает чрезмерным, как, например, когда Ж. Пирен пыталась дополнить эпиграфические данные о борьбе Илшараха Йахдуба и Йазила Байина против Шаммара Зу-Райдана с помощью легенды о правлении и изгнании из Йемена двух братьев-аздитов¹⁴ или когда Ж. Рикманс считал достоверной легенду о походе Ас'ада ал-Камила в Хиджаз, на основании только того, что в титуле царя упоминается Тихама¹⁵. Широкое использование легендарных материалов характерно для работ современных йеменских историков Зайда 'Инана и Ахмада Шараф ад-дина¹⁶, что отразилось и на школьных учебниках Йеменской Арабской Республики. Исследование кахтанидского предания знает также немало примеров осторожного подхода к материалу, разумного соотношения критики и

доверия (А. Е. Крымский, В. А. Крачковская, Н. В. Пигулевская, А. Г. Лундин, Ахмад Фахри)¹⁷.

Несмотря на то что столь многие обращались к материалам предания, до сих пор так и не выработано общее мнение об исторической ценности содержащихся в нем сведений. Это объясняется прежде всего тем, что исследователи вырывали историко-эпический материал из контекста предания, почти никогда не выясняя историю его формирования. Предпринимавшиеся попытки изучить и оценить предание без сравнения с надписями (Ф. Кренков и Н. Аббот — о реальности существования 'Абида б. Шарийи¹⁸; Т. Нельдеке — о мусульманском происхождении стихов предания)¹⁹ также не привели к единству мнений.

В изучении кахтанидских легенд особое место занимает работа А. Кремера «О южноарабском предании»²⁰, основанная на комментариях к «Химйаритской касыде» Нашвана ал-Химйари. А. Кремер впервые ввел обширный материал предания в научный обиход как единое целое, отметил его фольклорный характер, указал условия его формирования и лиц, занимавшихся его распространением. Он показал пригодность некоторых легендарных сведений для исторического исследования, а также охарактеризовал кахтанидское предание как своеобразное явление в истории мусульманской культуры.

Большое значение для исследования предания имеют работы, часто прямо с ним не связанные, но показавшие, в какой степени и как борьба между кахтанидами и аднанидами в омейядском халифате оказывала влияние на явления культуры. Это — исторические обзоры Ю. Вельхаузена и Р. Дози, исследования И. Гольдциера, А. Ламменса, Таха Хусайна, В. Каскел, Ж.-Кл. Вадэ²¹. Особая группа работ посвящена деятельности ученых и литераторов, создавших и распространявших предание, — Ка'ба ал-Ахбара, Вахба б. Мунабиха²², Дагфала аш-Шайбани, Ди'била б. 'Али²³.

Со времени выхода в свет книги А. Кремера прошло уже более ста лет. Почти все упоминавшиеся нами исследования и издания текстов появились после нее. Уже это оправдывает новое обращение к кахтанидскому преданию, которого требуют актуальные задачи сабеистики

и оживившийся интерес к ранним этапам развития арабской мусульманской культуры.

Предварительный анализ некоторых образцов арабских историко-эпических материалов — предание о химйаритском царе Шаммаре Йур'ише и предание о пальмирской царице аз-Забба' (Зенобии) — выявили два важных для нашей работы момента:

1. Кахтанидское предание (легенды о Шаммаре Йур'ише) состоит из генетически разнородных компонентов, оно объединяет материалы, восходящие к различным и разновременным культурно-историческим группам²⁴.

2. Из анализа предания об аз-Заббе следует, что для оценки исторических преданий о событиях в Аравии необходимо знать, из какой среды происходят легенды, чью «точку зрения» на события они отражают. Так, предание об аз-Заббе довольно верно отразило историю гибели Пальмирского царства с точки зрения соперников Пальмиры — иракских арабов, однако оно мало совпадает с рассказами античных авторов о том же событии²⁵.

Исходя из этих предварительных выводов, мы полагаем, что для оценки кахтанидского предания (в данном случае — предания об Ас'аде ал-Камиле) как историко-культурного источника необходимо выделить его разнородные компоненты, определить их истоки и выяснить, с какими культурно-историческими группами они связаны. Выполнив эту задачу, мы будем знать, какого рода сведения можно (и можно ли) искать в материалах предания.

* * *

Автор глубоко благодарен ныне покойному проф. В. И. Беляеву, который с самого начала поддержал его интерес к этой теме и помог завершить данную работу. Сердечную благодарность автор испытывает и к другим своим учителям и коллегам, не оставлявшим его своим вниманием и советами: ныне покойным проф. В. А. Крачковской и члену-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. Автор признателен всем сотрудникам Арабского кабинета им. И. Ю. Крачковского ЛО ИВАН СССР, где выполнялась и обсуждалась эта ра-

бота. На разных этапах подготовки книги автору помогли зарубежные коллеги. Автор благодарит проф. Халила Нами (Каирский университет), проф. Ж. Рикманса (Лувэнский университет), хранителя рукописей Национальной библиотеки в Каире Фуада Сайида, бывшего директора Института арабских рукописей Лиги арабских государств Рашада 'Абд ал-Мутталиба.

ABSTRACT

M. B. Piotrovsky

THE SAGA OF THE HIMYARITIC KING AS'AD AL-KÂMIL

The ancient civilization of Southern Arabia expired in the 6th—7th cents. A. D. and was superseded by the Muslim one. The interaction of the civilizations produced among its offsprings, the historico-epic saga on the pre-Islamic Yemen, kept alive among Muslim Arabs. The Saga is related to the Qahtanide grouping of Arab tribes and *therefore we call it the Qahtanide Saga*. It presents a certain interest as a compendium of materials on the Ancient Yemen and at the same time it is an important monument of the early Muslim Arab culture. The aim of the present work is to evaluate the Qahtanide Saga as an historical and historico-cultural source. We have chosen for the analysis a «cycle» on the King As'ad al-Kâmil, which is both central and largest in the Saga, it is also dedicated to a fairly well known historical personality.

Chapter I

THE QAHTANIDE TRIBES AND THE QAHTANIDE SAGA

1. Making of the Qahtanide tribal grouping. The grouping appeared in the second half of the 7th cent. and played an important political role in the Caliphate up to the mid-8th cent. It was shaped in Syria and thus united both Syrian Arabs and the tribes which had come there from Southern Arabia on the wave of the Muslim conquest. This union was political in its nature while it was proclaimed as a relative tribes' union, allegedly migrated therein from Yemen in different periods of the past. 2. Politico-cultural activity of the Qahtanides. They were fairly active in the field of

culture wherein their doings were closely linked to political aims. They tried their best to hail the glory of the Ancient Yemen since the great past appeared one of the main favorable arguments in the struggle for leadership in the Caliphate. 3. The Qahtanide Saga. The political aims were also served by the Qahtanide Saga. It gained momentum by the mid-7th cent. when its first records seem to date. Its shaping, dissemination and recording took place among professional story-tellers ('Abîd b. Shariya), learned experts in the Traditions (Ka'b al-Aḥbar, Wahb b. Munabbih), political poets (Ibn Mufarriḡ, Ibn Dhū-Jadan), all located in Medina and later in Ḥims and Fustat.

The bulk of the Saga was fixed in records in the 9th – 10th cents. compendia (*Kitāb at-tijān* by Ibn Hishām, *Akhbār 'Abîd b. Shariya*, *Sirat Daḡḡal* by ash-Shaybanī, *Wasāya al-mulūk*, etc.) by then it had lost its keen political sense. Beginning with the 10th cent. in Yemen there started to reappear an interest to its own past new, hence somewhat expanded and systematized recordings in works by al-Ḥamdānī and Nashwān al-Ḥimyarī.

The Saga is constituted of a number of 'cycles', the most known of them is the one of the King As'ad al-Kāmil, 'the Perfect'.

Chapter II

AS'AD AL-KĀMIL IN INSCRIPTIONS AND IN THE SAGA

1. Abū Karīb As'ad, son of Malikkarīb, 'the King of Saba and Dhū-Raydān Ḥaḡramaut and Yamānah and their bedouins in Taud and Tihāma', such is the title of the real king reigning in Southern Arabia in the 4th – first half of the 5th cent. Extant contemporary inscriptions reveal that the epoch of As'ad was a new and important period in the local history. Thus expanded to hitherto unknown boundaries Himyaritic state witnessed signs of decline: the king's power was going down; once important centers became depopulated; the previous religion was losing its role. And at the same time new phenomena turned up to bear heavily on further history. Among them of importance were the rise of Arab nomads and appearance of both foreign and local monotheistic religions.

2. Abū Karīb and the Tubba' of the *Qur'an*. The historical importance of As'ad's period conditioned its popularity among Yemenite Muslims. It caused identification of As'ad with the Tubba' mentioned in the *Qur'an* (XLIV, 36; L, 13). The Quranic figure was not primarily linked to any real king, but Southern Arabian-born commentators of the *Qur'an* gradually transmitted and implanted the idea of equation of the Tubba' with Abū Karīb As'ad. This identification favored accumulation of various legends around As'ad's name.

3. The Saga of As'ad al-Kāmil. The Saga has come down to us in several variants of the same version in the shape of prose accounts and poetry ascribed to the king himself. It consists of the following episodes: As'ad's birth in the land of the Hamdanites; the boy's meeting of three women fortune-tellers; his reseizure of his father's throne; raids into Central Arabia; foundation of the Kindite kingdom; victory over the King Qubāz in Iraq; conquest of Iran, Soghd, China and India; war against Yathrib's population; his meeting of Judaic priests who foretold the Prophet Muhammad's appearance and persuaded him not to destroy Yathrib; As'ad conversion to monotheism and worship of Meccan relics; attempt to introduce monotheism among the Himyarites; argument of Judaic and pagan priests by the sacred fire; destruction of the Riyām temple; the Himyarite resistance to new orders.

Chapter III

ORIGINS OF THE AS'AD SAGA

An analysis of principal themes and topics was undertaken to put in relief origins and heterogeneous layers in the Saga. 1. The theme of destiny. Fatalistic motifs appear to seem the main idea of the bulk of the Saga. The vocabulary used for the purpose is characteristic of the early Muslim period. The theme of destiny is closely linked in the Saga to the Qahtanide political interests since it serves an apology of the ancient Yemenite society. It magnifies the merits of the Qahtanide ancestors. Hence the bulk of poetry attributed to As'ad should be dated by the late 7th – early 8th cents. 2. The Iraqi campaign. An analysis of accounts of the king's campaigns

into Central Arabia and Iraq proves them to be based on real campaigns around Arabia, a 'new' Kindite kingdom being formed then. Later accounts of their capture of al-Ḥīra in the early 6th cent. were adjoined. 3. Campaigns outside Arabia. This is the most fantastic part of the Saga which is politically colored. Its origin stems from the *Romance of Alexander* ('the Land of Darkness') and epic tales of Muslim conquests. 4. The Hijazi campaign. The Yemenite reality is but fragmentarily reflected in these accounts. The tale of As'ad's Judaism is concurred with monotheistic inscriptions of the age. Realistic details in the accounts and traces of their structure after Judaic legends of the 'Daniel cycle' point to a possible saga of Yemenite Jews as their base. Other motifs were added later. Hence As'ad came to be linked with the Yathribi legends of the Tubba' and Abū Karīb b. Jabala, the Lord of Phinicon, with a Hijazi version of the Elephant's Campaign (6th cent.). 5. Description of the Himyarite army. The poems of the Saga contain lists of tribes allegedly of the Himyarite army. However these concur not with the 5th cent. political situation but with tribal unions of the 7th—8th cents. The description of the army and arms bears no specific Yemenite details with the exception of a truthful imprint of the structure of the Southern Arabian armies incorporating bedouin troupes. 6—7. Yemenite toponimics and onomastics. Yemenite toponyms and names in the Saga reflect a direct though superficial, knowledge of the country, their source being fragmentary data (not a continuous tradition). 8. Principal components of the Saga. The above results permitted to define both components and the way the Saga was shaped in the second half of the 7th cent. Changes in the South Arabian life of the 6th—7th cents. broke the straight line of cultural tradition. The real data on the Ancient Yemen (although numerous) on which the As'ad Saga is based, depict but part of the local history. The character and contents of the data bear witness to their being part of the Yemenite bedouin tradition and not that of the South Arabian settled aborigenes. The Yemenite Judaic tradition (the Hijazi campaign) was also a part of the Saga's origins.

The Yemenites being united in the process of political struggle with, first, the *Ansār* and, later, Syrian Arabs,

started to propagate widely the tale of the king once popular among Yemenite bedouins. The Yemenite settlers in Medina identified him with the Tubba' of the *Qur'an*. Later on they attributed to him motifs from other tales, i. e. of Abraha, Alexander, Kindite kings. The growing political tendentiousness of the Saga influenced by the Qahtanide-Adnanide strife made way for accounts of Muslim conquests, i. e. transplantation of later political notions and situations.

In the 10th—12th cents. the Saga acquired new popularity in Yemen, incorporated some local folklore legends (As'ad and three witches) and thus gained its definite shape.

All the principal conclusions on the sources, contents and development of the As'ad Saga may be applied to other cycles of the Qahtanide Saga, of other Himyarite kings above all. It is possible to suggest ways to use the Saga (and the Qahtanide Saga in general) for a reconstruction of Ancient history of Arabia. They might provide data on the 'bedouinization', the Kindites and their kingdom, Arabian contacts and the Himyarite politics. The Saga helps to elucidate some aspects of the genesis of a new nobility.

The Saga is far more important as a historico-cultural source. It is used here as a single example to show ways of formation of Muslim culture, which assimilated and biasedly interpreted the pre-Islamic heritage of Arabia. This analysis of the Saga uncovers the mechanism of unification and confluence of various sources, a distinctive feature of the syncretic Muslim culture. The Saga also appears as a monument of one of the stages in the Arab tribal consolidation.

Tr. by S. Shuiskii

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Кахтанидские племена и кахтанидское предание	10
1. Образование кахтанидской племенной группировки	10
2. Культурно-политическая деятельность кахтанидов	17
3. Кахтанидское предание	25
Глава II. Ас'ад ал-Камил в надписях и в предании	35
1. Абукариб Ас'ад сын Маликкариба — «царь Сабба' и Зу-Райдана, и Хадрамаута, и Йаманата, и бедуинов их в Тауде и в Тихаме»	35
2. Абукариб Ас'ад и Тубба' Корана	45
3. Предание об Ас'аде ал-Камиле	51
Глава III. Истоки предания об Ас'аде ал-Камиле	60
1. Тема судьбы	60
2. Псход в Ирак	68
3. Походы за пределами Аравии	72
4. Поход в Хиджаз	76
5. Описания хийфаритского войска	85
6. Йеменская топонимика в предании	91
7. Йеменская ономастика в предании	94
8. Основные компоненты предания об Ас'аде	98
Заключение	103
Примечания	108
Сокращения	125
Библиография (цитированная литература)	127
Abstract	141
Указатель имен	146
Указатель топонимов	150
Указатель этнонимов	153
Указатель названий сочинений	155
Указатель терминов	157
Указатель надписей	158

Михаил Борисович Пиотровский

ПРЕДАНИЕ О ХИМШАРИТСКОМ ЦАРЕ
АС'АДЕ АЛ-КАМИЛЕ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *С. А. Шуйский*
Младший редактор *Р. Г. Стороженко*
Художник *Е. В. Бекетов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 20/1 1977 г. Подписано к
печати 23/V 1977 г. А-02871. Формат 84×108^{1/32}
Бум. № 1. Печ. л. 5,0. Усл. п. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 9,48. Тираж 3000 экз.
Изд. № 3945. Заказ № 32 Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28